

Оглавление

Введение. «Не литература сама по себе, а ее социальное бытование»: институты литературы в Российской империи	7

ЧАСТЬ I. СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТОВ ЛИТЕРАТУРЫ В РОССИИ XVIII — НАЧАЛА XIX в.

Глава 1. Открытость поля поэзии, или Поэзия как товар (А.А. Костин)	37

Глава 2. Вымыслы поэтические и преступные: литература среди других институций письма (А.А. Костин)	74

Глава 3. Институциональный статус литературных обществ второй половины 1810-х годов (А.С. Бодрова).....	98

ЧАСТЬ II. НОВЫЕ ФОРМЫ КОММУНИКАЦИИ И ЭВОЛЮЦИЯ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ В 1830–1850-х ГОДАХ

Глава 4. Публичная сфера и политическая мысль: институты полемики в ранней истории западничества и славянофильства (М.Б. Велижев)	131

Глава 5. Фельетоны журнала «Современник» и формирование публичной сферы в 1850-е годы (Е.И. Вожик).....	151

ЧАСТЬ III. ЛИТЕРАТУРА СЕРЕДИНЫ XIX в. МЕЖДУ ГОСУДАРСТВОМ И ОБЩЕСТВОМ

Глава 6. «Прилично ли такое представление на театре»: моральные категории и социальное воображаемое в деятельности драматической цензуры середины XIX в. (К.Ю. Зубков).....	177

Глава 7. Чиновник и писатель: случай И.А. Гончарова
(С.Н. Гуськов).....229

Глава 8. Пореформенный театр в поисках автономии:
падение театральной монополии и сопутствующие
процессы (А.С. Федотов).....247

ЧАСТЬ IV. ПИСАТЕЛЬСКИЕ СООБЩЕСТВА И ПРОБЛЕМЫ АВТОНОМИЗАЦИИ ЛИТЕРАТУРЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Глава 9. Общество для пособия нуждающимся литераторам
и ученым: от «чистого искусства» к реалиям
литературной жизни (М.С. Макеев)275

Глава 10. Русская литературная богема (1860–1880-е годы)
(А.И. Рейтблат).....294

ЧАСТЬ V. ЛИТЕРАТУРА И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ ПРОЕКТЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Глава 11. От «Полной русской хрестоматии» к первой
программе по литературе: становление стандартов
литературного образования в России и педагогические
проекты А.Д. Галахова 1840–1850-х годов (А.В. Вдовин).....315

Глава 12. «Общество это составляю я один»:
генезис и рецепция педагогического проекта Л.Н. Толстого
в свете дискуссий начала 1860-х годов о законах
общественного развития (Ю.И. Красносельская)349

Глава 13. Чтения для народа как государственный
просветительский проект в поздний период
Российской империи (Я.Я. Агафонова).....397

Список сокращений436

Список литературы437

Именной указатель479

Об авторах493

*Введение. «Не литература сама по себе,
а ее социальное бытование»:
институты литературы в Российской империи*

Почти столетие назад в статье «Литературный факт» Б.М. Эйхенбаум утверждал, что в силу современных обстоятельств наиболее актуальным предметом исследований становится «не литература сама по себе, а ее социальное бытование». За последние десятилетия в отношении советской литературы, в том числе тех лет, когда Эйхенбаум писал эти слова, действительно произошел переворот: в многочисленных работах было показано, что совершенно невозможно рассуждать о биографиях писателей или литературных текстах без учета социальных рамок, в которых жили эти писатели и производились эти тексты. Напротив, в отношении литературы XVIII в. и особенно XIX в. таких исследований пока проводилось мало. Ярким примером может послужить изучение института литературной критики: если советской и постсоветской эпохе посвящена фундаментальная коллективная монография [Добренко, Тиханов, 2011], то критика имперского периода, при всей ее известности и важном положении в литературном каноне, как социальный институт практически не описывалась. Предлагаемая вниманию читателей монография призвана если не восполнить этот пробел (задача едва ли выполнимая в рамках одной книги), то хотя бы обратить внимание на актуальность и многообразие проблем институциональной истории литературы.

Ключевым понятием для нашей работы стал социальный институт, который мы понимаем как особую систему правил, норм, ролей, ценностей и организаций, способную к самовоспроизводству. Именно таким образом можно представить как литературу в целом, так и тесно связанные с нею явления, такие как преподавание словесности, книгоиздание, цензура и многое другое. Художественная литература как относительно автономный институт складывается, по всей видимости, в XVII–XVIII вв. вместе с развитием книжного рынка, увеличением количества и разнообразия читателей, появлением и ростом влияния периодики, возникновением литературной критики и другими процессами. Социологи русской литературы Б.В. Дубин,

Л.Д. Гудков и А.И. Рейтблат описали общие социокультурные рамки, логику и этапы развития института литературы в России [Гудков, Дубин, 1994; Рейтблат, 2001; 2009; 2014]. Некоторые институты, которые иногда называют неформальными, не создаются за счет целенаправленных действий какого-либо субъекта (человека или организации) и не обладают кодифицированной системой правил. К ним, например, относится авторство — явление, конечно, исторически изменчивое и тесно связанное с общественным развитием, но едва ли сводящееся, например, к юридическому феномену авторского права. Другие — формальные — институты, такие как цензура, связаны с определенными кодифицированными правилами и создаются целенаправленно. Однако даже формальные институты нельзя сводить к конкретным организациям, в том числе бюрократическим аппаратам. Скажем, в подавляющем большинстве цензурных уставов предписывалось разрешать произведения выдающегося художественного достоинства и запрещать произведения безнравственные, однако даже самые мелочные законодатели в области печати никогда не пытались дать точное определение «художественного» или «безнравственного» произведения. Цензорам приходилось полагаться на критерии, сложившиеся в определенных общественных кругах, или заимствовать их из литературной критики, или хотя бы опираться на сложившуюся в рамках ведомства практику. Так или иначе цензура как институт далеко не сводилась к цензуре как ведомству в составе одного из министерств.

Единой и непротиворечивой классификации типов литературных институтов и институций, характерных для русской литературы, в историографии пока не существует, поэтому вместо нее мы представим краткий хронологический обзор наиболее значительных исследований, сфокусированных на социальной природе литературы и институциональном контексте ее бытования. В самом общем виде мы исходим из предпосылки, что литература представляет собой не абсолютно автономную сферу свободного творчества, а часть общества, и потому неизбежно выполняет определенные социальные функции. Во многом мы отступаем от привычного литературоведческого инструментария, для которого на первый план выходят другие субъекты — прежде всего собственно авторы произведений и — реже — политическая власть, выступающая преимущественно

как источник репрессий и цензурного вмешательства. Не отказываясь от описания позиций этих участников литературного процесса, мы расширяем список акторов, обращая внимание на читателей, посетителей театров, издателей, цензоров, редакторов, учителей и многих других лиц, без которых функционирование литературы как института не представляется возможным.

Неудивительно, что институциональный подход редко применяется к литературе XVIII–XIX вв. Произведения писателей этой эпохи до сих пор обладают в русской культуре нормативным статусом, воспринимаются как образцовые и наделенные универсальным смыслом и ценностями. Это восприятие во многом мешает видеть в классических романах или стихотворениях продукт исторически сложившихся механизмов культурного производства. Привилегированный статус автора, создающего подобные произведения, благополучно пережил попытки резкой критики и деконструкции, начавшиеся еще в критических статьях радикальных демократов 1860-х годов, таких как Дмитрий Писарев. Соответственно исключительное внимание исследователей к нескольким авторам, прежде всего создателям литературного канона и их окружению, сделало как бы «невидимыми» остальные фигуры литературного поля: грубо говоря, рассматривающий сочинения Пушкина критик обычно воспринимается не как самостоятельная фигура, а как дополнение к Пушкину.

Между тем анализ литературы как социального института, конечно, способен не только изменить наши представления об общественной роли писателей XIX в., но и совершенно по-новому представить самих этих писателей. В качестве примера достаточно привести публикации М.С. Макеева, в совсем ином свете представившие журналистскую деятельность Некрасова, см.: [Макеев, 2009; 2018]. Если ранее издание журнала «Современник» рассматривалось как успешное деловое предприятие, обогатившее поэта, то Макеев, обративший внимание на литературную экономику и социальные функции журнала, убедительно показал, что «Современник» издавался в убыток редакции. Современники часто упрекали Некрасова в «литературной эксплуатации» — стремлении зарабатывать за счет других писателей и читателей. Напротив, в реальности журнал был для Некрасова фактически формой инвестирования собственных средств в поддержку начинающих авторов и развитие литературы.

В рамках социологии и социологии литератур уже давно развиваются системные теории литературы, представляющие ее как систему систем (И. Эвен-Зохар) или как конфигурацию взаимопересекающихся полей (П. Бурдьё). Наиболее последовательное развитие теория поля получила в книге П. Бурдьё [Bourdieu, 1995], который разработал понятийный аппарат и особый инструментарий для описания поведения как отдельных участников литературного поля (писателей, издателей, книгопродавцев), так и целых институтов (журналов, кружков, салонов, премий, школ, университетов), именующихся «агентами». Последователи Бурдьё дополнили его модель объяснением функций других институтов, например школьного образования [Guillouy, 1993], для развития литературы и особенно такого ее важного измерения, как литературный канон. В нашей работе, впрочем, представлен несколько другой подход.

К концу 1980–1990-х годов в мировой науке уже существовало множество примеров изучения литературы как социального института. Импульс шел сразу по нескольким линиям. Их краткий обзор предложил известный немецкий социолог литературы Петер Уве Хоэндал, приведя три основные версии институционального подхода к литературе, см.: [Hohendahl, 1989, p. 1–44]. Первая из них — интеракционистская, т.е. уходящая от характерной для традиционной науки о литературе сосредоточенности на фигуре автора и основанная на анализе прежде всего читательских сообществ, благодаря которым, собственно, и могут восприниматься литературные произведения, см. особенно [Fish, 1980]. Вторая линия — марксистская — предполагает, что институты суть формы организации политической власти, посредством которых эта власть формирует субъектов деятельности, в случае литературы — авторов и читателей. В качестве примеров такого подхода Хоэндал называет Антонио Грамши, Луи Альюссера, Этьена Балибара и проч. Эта линия изучения литературы, стоит отметить, в целом до сих пор очень мало востребована в российских условиях, что предопределяет очевидную лакуну в исследованиях. Наконец, третий подход к институтам литературы связан с так называемой «критической теорией», прежде всего концепциями Юргена Хабермаса и отчасти более ранними трудами Вальтера Беньямина. Для представителей этого подхода институт литературы исторически складывается в ходе автономизации общества и, строго говоря, невымыслим без этой автономизации.

Именно третий из названных способов институционального анализа литературы, связанный с проблемой автономной публичной сферы и ее взаимодействия с государством, пока оказывается наиболее значимым для исследователей. В самом общем виде концепция Хабермаса основана на представлении о модернизации — развитии общества, стремящегося отказаться от жесткой монолитной традиции и стать «современным», предоставляя все большему числу людей возможность выбора идентичности¹. По мнению немецкого ученого, этот процесс начинается еще в эпоху Просвещения и в той или иной форме сохраняет свою значимость до настоящего времени. Собственно, для Хабермаса литература (и искусство в целом) стала наиболее ярким примером, позволяющим увидеть характерную для «модерна» «автономизацию секторов (науки, морали и искусства. — А. В., К. З.), разрабатываемых специалистами, и отделение этих секторов от потока традиции» [Хабермас, 2005, с. 19]. В этой связи Хабермас описывает роль литературы в конструировании «буржуазной публичной сферы» — типа общественных отношений, основанных на свободной коммуникации критически мыслящих независимых субъектов. Анализ Хабермаса подчеркивает роль литературы с ее акцентом на индивидуальных переживаниях в создании и распространении представлений о ценности частной жизни, без которых функционирование публичной сферы было бы невозможным [Habermas, 1991, p. 43–56]. Таким образом, литература становится и своего рода образцом, и двигателем процессов модернизации.

Разумеется, описанная Хабермасом «буржуазная публичная сфера» далеко не была идеалом равноправия: богатые люди были в ней представлены лучше, чем бедные, мужчины — лучше, чем женщины, обитатели столиц — лучше, чем провинциалы, а жители метрополий — лучше, чем обитатели колоний. Тем не менее хотя бы на уровне деклараций любой человек теоретически мог добиться признания своего права на общественно значимую позицию. Этот декларативный универсализм, хотя и не соответствовал реальному положению вещей, все же оказывал существенное влияние на развитие литературы интересующего нас периода, когда, например, произведения, на-

¹ Схожий ракурс избрали и Б.В. Дубин и Л.Д. Гудков, в этом отношении отчасти следовавшие за немецким мыслителем.

писанные женщинами, могли приносить сочинительницам внушительный коммерческий успех, а бедные литераторы из провинций, наподобие Белинского или Добролюбова, подчас имели возможность стать «властителями дум» в столицах.

Подход Хабермаса, впрочем, неоднократно подвергался критике за нежелание учесть нелинейность и сложность становления современного общества и проблемное место литературы в этих процессах. Роберт Дарнтон остроумно заметил, в частности, что, вопреки Хабермасу, глубокая интеллектуальная критика сложившихся политических, религиозных и общественных авторитетов вовсе не была основным содержанием литературных произведений эпохи Старого режима. Накануне Великой французской революции, по мнению исследователя, королевская цензура по преимуществу вынуждена была бороться вовсе не с радикальными сочинениями Вольтера или Дидро, а с порнографической продукцией, популярной среди парижских низов (см., например: [Darnton, 1995]). Для нас актуальной представляется точка зрения историка, представителя школы «Анналов» Роже Шартье, который, полемизируя с Дарнтоном, со ссылками на Хабермаса писал о том, каким образом развитие литературы (в том числе и литературной критики) подрывало монолитную систему авторитетов и иерархий Старого режима и способствовало созданию новых форм публичной коммуникации:

<...> рост числа газет и журналов, их более частая периодичность и их внимание к новейшим литературным веяниям создают почву для появления суждений, не подчиняющихся диктату официальных изданий, почву, на которой возможно столкновение противоположных мнений <...> само обилие и разнообразие периодических изданий дают пищу для критического обсуждения и жарких споров. Стараясь говорить от имени читателей и апеллируя к их суду, отказываясь от закосневших форм и отрекаясь от устаревших авторитетов, литературные периодические издания вызывают к жизни новую независимую критическую инстанцию: публику, и эта инстанция становится высшей [Шартье, 2001, с. 173].

Подчеркивая значение литературы для автономизации общества, современные исследователи в то же время демонстрируют, что по крайней мере до конца XVIII в. публичная сфера вовсе не была так

независима от государства, как следует из характеристики Хабермаса. Напротив, речь идет о сложных гибридных формах, в которых может осуществляться такое взаимодействие. Так, например, провинциальные французские академии оказываются учреждениями одновременно и частными, и государственными, именно этот двойственный статус позволяет им создавать альтернативный королевской власти источник авторитета [Caradonna, 2012]. Сам Хабермас особое внимание уделял роли литературной критики, способствовавшей развитию критического мышления (родственная связь слов «критика» и «критический» так же очевидна, как и родство этих понятий). Это позволило позднейшим исследователям выстроить масштабную историческую концепцию литературной критики, отталкиваясь от описанных немецким мыслителем формирования, трансформации и распада публичной сферы [Hohendahl, 1982]. На этом фоне особенно ярко выделяется концепция современных исследователей, согласно которой советская литературная критика играла диаметрально противоположную роль: она не способствовала автономии литературы как института публичной сферы, а подрывала эту автономию, становясь проводником государственной политики и идеологии [Добренко, Тиханов, 2011].

Автономия общества и литературы от государства вызывает особенно серьезные вопросы при работе с российским материалом. С одной стороны, многие исследователи утверждают, что настоящее гражданское общество в Российской империи так никогда и не сложилось в том виде, в котором оно существовало в Великобритании или США, см., например: [Kassow, West, Clowes, 1991]. С другой стороны, если не исходить из нормативных требований совершенно независимого общества, то в той или иной степени независимое и влиятельное общественное мнение можно обнаружить в самые разные периоды: при Екатерине II, в эпоху масонских лож и независимых типографий [Смит, 2006], после наполеоновских войн, во времена тайных обществ будущих декабристов [Raeff, 1984] или в «замечательное десятилетие» — 1840-е годы, время философских и эстетических кружков [Riasanovsky, 1976]. Как представляется, проблема заключается не только в самой сложности объективно сформулировать, зависимо общество от государства или нет, но и в традиционном историческом нарративе, согласно которому «нормальная» последовательность со-

бытий состоит в эмансипации от государства, любые же отклонения от этой нормы представляют собой досадные или опасные искажения естественного хода событий. В этой связи для нас актуальна позиция исследователей, подчеркивающих бесперспективность поиска в российских условиях тех социальных явлений, которые характерны для английского или американского общества. В частности, к этому выводу приходит Лутц Хефнер, анализируя категорию «гражданское общество». По мнению исследователя, более перспективным подходом мог бы стать не поиск в Российской империи институтов и форм социальной самоорганизации, которые соответствовали бы англо-американскому образцу, а анализ складывающихся в российских регионах местных сообществ и их трансформации и развития под воздействием новых медиа, в первую очередь, периодической печати, см.: [Хефнер, 2007]. Историки, занимавшиеся развитием публичной сферы в Российской империи, также подчеркивают значение медиа, без которых трудно описать и сходство с европейской, и специфику, см.: [Ловелл, 2021; Naganawa, 2012]. В отношении литературы, разумеется, такой медиаориентированный принцип представляется особенно перспективным: невозможно рассуждать о социальных функциях произведений русских писателей XIX в., не рассматривая их произведения в контексте журналов, газет, литературных салонов и кружков, театральных постановок.

Выводы нашей работы, как кажется, подталкивают к восприятию независимости социальных институтов от государства не как необходимого эпизода на якобы непреложном пути исторического прогресса, а как результата усилий множества отдельных акторов, действующих в определенных исторических условиях. Эти усилия мало приложить единожды, чтобы раз и навсегда достичь «независимости»: напротив, в каждый исторический момент та или иная степень автономии публичной сферы от власти достигается или теряется посредством действий множества людей — именно эти действия мы и пытались описать. К тому же отношения между государством и обществом нельзя сводить к бинарной оппозиции «зависимость — независимость»: в реальности отношения между этими сущностями могут быть намного более сложными.

Проблематика предлагаемой читателю монографии отчасти определяется традиционным исследовательским ракурсом. Авторы кни-

ги, учитывая достижения Дубина, Рейтבלата и многих других предшественников, пытаются обратить внимание на многочисленные до сих пор не решенные (а подчас и не поставленные) вопросы, связанные с изучением института литературы в Российской империи.

Во-первых, в центре внимания авторов оказываются неоднозначные и быстро меняющиеся отношения между государством и обществом и роль институтов в формировании и кризисе публичной сферы. Как и многие современные представители институционального подхода, авторы книги отказываются от линейного исторического нарратива о модернизации общества, о формировании автономной от государства публичной сферы и ее последующем распаде. Напротив, мы пытаемся показать, что практически невозможно свести развитие институтов литературы в Российской империи (и социальные функции самой литературы) к одному вектору, будь то «модернизация», «либерализация» или «политизация» литературы. С этим связано обращение к пограничным явлениям, находящимся на периферии литературного процесса: устным дискуссиям между западниками и славянофилами, юбилейным пьесам о российском театре, изданиям для народного просвещения.

Во-вторых, мы стремимся расширить материал исследования, обращаясь к ранее не описанным или слабо изученным институтам. Так, например, театр, драматургия, театральная критика и драматическая цензура в XIX столетии, хотя и были отдельной сферой занятости и профессионализации, тем не менее обнаружили весьма тесную связь с такими литературными ролями, как писатель, критик и цензор. В ситуации же стремительной дифференциации института литературы во второй половине XIX в. могли появляться и гибридные, временные роли — такие как популяризаторы литературы в народной среде в рамках системы чтений для народа. Даже эти примеры свидетельствуют о том, что наши представления о полном наборе социальных ролей внутри института того времени далеки от полноты и нуждаются в существенном обогащении, которое возможно только через серьезные исследования целых пластов социальной жизни, не попадавших в поле зрения историков литературы. Как часто бывает, изменение исследовательского фокуса позволяет обратить внимание на ранее не осмысленные источники, такие как, например, материалы о ценообразовании и продаже книг различных жанров в

середине XVIII в., переписка между членами Российской академии и министром народного просвещения, материалы реформы учебных планов в военно-учебных заведениях империи, отчеты сотрудников драматической цензуры о прочитанных пьесах, мемуары забытых литераторов и журналистов конца XIX в.²

В-третьих, использование социологического инструментария само по себе требует серьезной рефлексии относительно методологии исследования, хотя бы потому, что социологи не пришли к консенсусу относительно того, как именно следует изучать институты (см.: [Грейф, 2013, с. 65–71]). Очевидно, историк литературы может использовать далеко не все методы и аналитические процедуры, например, из области экономики, бездумно копируя из одной дисциплины в другую. Этот процесс требует объединенных усилий представителей разных гуманитарных дисциплин, что занимает много времени. Тем не менее даже если взять в качестве рабочего определение экономического института, данное А. Грейфом («система правил, убеждений, норм и организаций, которые совместно порождают регулярность социального поведения», а также транзакций между ними [Там же, с. 56]), то становится очевидно, что изучать следует не только социальные роли и функции литературы как института (макроуровень), но и формирование норм поведения, кодирующих его правил, государственных, общественных или частных организаций, а также убеждения и ценности, которые поддерживаются или не поддерживаются в рамках транзакций между индивидами (микроуровень). Именно такой, более гибкий подход, как нам кажется, позволяет связать описание общих принципов и периодов функционирования института литературы в России с исследованием внутренней динамики, кризисных или взрывных моментов рождения новых литературных институтов и отмирания старых.

Предлагаемая монография, неспособная, конечно, компенсировать нехватку исследований, посвященных институту литературы в

² Авторы монографии сознательно решили максимально полно цитировать малодоступные или малоизвестные источники, особенно архивные. Текст может показаться читателю перегруженным пространными цитатами, однако, с нашей точки зрения, это предпочтительнее, чем самостоятельно проделывать архивные разыскания в поисках контекста приведенной фразы.

Российской империи, призвана хотя бы обозначить круг проблем и пути их возможного решения. Она посвящена проблемному описанию ключевых литературных институтов и институций Российской империи XVIII–XIX вв. в их тесном взаимодействии с государственными учреждениями и другими социальными институтами того времени. На первый взгляд такая постановка вопроса совсем не нова: в самом деле, еще с конца XIX столетия историки литературы занимались описанием, например, истории русской цензуры или народного образования (в том числе преподавания литературы), историей русского театра, кружков и литературных объединений. В то же время все эти феномены чаще всего изучаются, во-первых, изолированно, а во-вторых, прежде всего с идеологической или биографической стороны. Историка литературы привычно думать, например, что знакомство с какой-либо посетительницей светского салона оказалось значимо для создания любовной лирики известного поэта или что некий критик сотрудничал в литературном журнале, поскольку политическая программа этого журнала была близка его собственным взглядам. Намного сложнее, однако, понять, что даже самые фундаментальные, базовые функции и принципы построения литературного произведения и писательской биографии во многом определяются не имманентной логикой литературного процесса и даже не «сторонним» вмешательством политических или личных обстоятельств: они неотделимы от условий бытования литературы.

* * *

Проблема связей между литературой и обществом, конечно, волнует исследователей уже очень давно. Можно сказать, что научная историография русской литературы началась именно с работ по этой теме, написанных в рамках так называемой культурно-исторической школы XIX в. Хотя исследователям этого периода удалось ввести в оборот множество ценных материалов, их подход не отличался методологической рефлексией и не опирался на сложный концептуальный аппарат. В подавляющем большинстве случаев изучение литературы сводилось к описанию общественно-политической позиции писателей, а сами эти позиции прежде всего характеризовались сквозь призму очень прямолинейно понятого прогресса, который тот или иной автор мог поддерживать или не поддерживать, а его произве-

дения — отражать или не отражать. Соответственно предпочтение всегда отдавалось «отражавшим» прогресс писателям (впрочем, у разных исследователей список этих писателей оказывался разным). Эту проблему осознавали и сами исследователи. В своей фундаментальной «Истории русской литературы» А.Н. Пыпин, например, формулировал (и признавал пока неразрешимой) проблему специфики литературы на фоне других форм общественной деятельности:

<...> делала небывалые прежде успехи общая историческая критика; и самый рост новейшей литературы, все более проникавшей в социальные явления, создавал представление об истории литературы как отражении исторических процессов жизни общества. <...> самый объем науки становится наконец вопросом — где же наконец ее действительные пределы; как обособить историю литературы от целого ряда соседних изучений, с которыми она иногда совершенно сливалась, как, например, первобытная мифология и этнография, история культуры, просвещения нравов, художественного развития, наконец, история политическая? [Пыпин, 1898, с. III–IV].

Схожие вопросы беспокоили и других исследователей того времени. Так, оставшийся незавершенным грандиозный проект «исторической поэтики» А.Н. Веселовского был создан, чтобы ответить на схожие вопросы о специфическом месте литературы в общественной жизни:

История литературы в широком смысле этого слова — это история общественной мысли, насколько она выразилась в движении философском, религиозном и поэтическом и закреплена словом. Если, как мне кажется, в истории литературы следует обратить особенное внимание на поэзию, то сравнительный метод откроет ей в этой более тесной сфере совершенно новую задачу — проследить, каким образом новое содержание жизни, этот элемент свободы, приливающий с каждым новым поколением, проникает старые образы, эти формы необходимости, в которые неизбежно отливало всякое предыдущее развитие [Веселовский, 1940, с. 52].

Советские историки литературы собственно социологическими исследованиями занимались мало, несмотря на то что еще Г.В. Плеханов писал о «марксистской социологии». Интересно, что даже классовый анализ, казалось бы, совершенно необходимый для марк-

систской науки о литературе, не был востребован советскими исследователями уже начиная с 1930-х годов. Своеобразным жупелом в советских работах стал так называемый «вульгарный социологизм», обычно связывавшийся с работами В.Ф. Переверзева. Переверзев начал публиковать работы о литературе еще до революции, однако в 1920-е годы некоторое время воспринимался как лидер советской истории литературы. Труды Переверзева и его последователей вызвали сразу две идеологически мотивированные кампании, сопровождавшиеся упреками в меньшевизме, после которых, разумеется, влияние этого автора сошло на нет, а сам он был репрессирован, см.: [Ленерт, 2000; Jackson, 1978]. Своеобразным символом бесперспективности классового анализа литературы стала полемика между Переверзевым и М.Б. Храпченко о творчестве Гоголя: автор «Мертвых душ», по мнению первого, выражал интересы мелкопоместного дворянства, а по мнению второго — интересы среднепоместного дворянства. Впрочем, принципиальные критики «вульгарной социологии» (например: [Лифшиц, 1936]) сами стремились не заменить ее более комплексным и глубоким подходом, а просто уничтожить, растворив исследования социальных проблем в обсуждении политических вопросов.

Негативные особенности культурно-исторической школы во многом были развиты и преумножены официальным советским литературоведением, пришедшим на смену «вульгарному социологизму». Хотя конкретное содержание исторической схемы, которую использовали авторы советского периода, конечно, сильно изменилось по сравнению с эпохой господства культурно-исторической школы, сохранилась общая установка вписывать политическую позицию писателей в заранее известный нарратив о постепенном развитии общества — на сей раз в направлении революционных организаций. И общественные, и литературные процессы при таком подходе фактически описывались как полностью лишённые автономии и лишь отражающие политическую борьбу (впрочем, обычно за особо выдающимися писателями признавалась способность изображать ведущие к прогрессивным переменам общественные процессы «вопреки» собственной позиции). Подобные взгляды, восходящие к сильно упрощенным идеям М.А. Лифшица и Д. Лукача, см.: [Добренко, Тиханов, 2011, с. 287–291], довольно скоро оказались политически

одобряемым «мейнстримом» советской литературной критики и науки о литературе. В окончательно выродившемся виде этот подход, широко представленный в советских работах, сводился к разделению писателей на «прогрессивных» (т.е. способствовавших или/и сочувствовавших революции) и «реакционных» (т.е. не способствовавших и не сочувствовавших ей). Именно он на десятилетия дискредитировал саму постановку проблемы о социальных функциях литературы: многие порожденные им штампы до сих пор встречаются, например, в школьном преподавании литературы и вызывают заслуженно негативное отношение. Как кажется, именно этим налетом «советскости» во многом и вызвано отторжение, которое социологические теории вызывают у многих современных российских историков литературы.

Однако в работах советского периода предлагались и другие подходы к социальным проблемам истории литературы. Пожалуй, наиболее известным из них остается теория «литературного быта», сформулированная Б.М. Эйхенбаумом и развитая его учениками. Вопреки распространенному мнению, представители ОПОЯЗа не ограничивались анализом формальной природы литературных произведений. Эйхенбаум прямо утверждал, что его работа отвечает на вызовы, связанные с необходимостью проанализировать специфику литературы и литературности как автономного (пользуясь языком самого Эйхенбаума, «специфического») социального феномена. В этой связи исследователь предлагал описывать литературу прежде всего не как замкнутую в себе систему, а как сложный комплекс отдельных «сдвигов», разрывов и противоречий, для понимания которого внешние факторы подчас могут становиться не менее значимыми, чем внутренняя, имманентная логика развития:

Можно сказать решительно, что кризис сейчас переживает не литература сама по себе, а ее социальное бытование. Изменилось профессиональное положение писателя, изменилось соотношение писателя и читателя, изменились привычные условия и форма литературной работы — произошел решительный сдвиг в области самого литературного быта, обнаживший целый ряд фактов зависимости литературы и самой ее эволюции от вне ее складывающихся условий. Произведенная революцией социальная перегруппировка и переход на новый экономический строй лишили писателя целого ряда опорных для его профес-

сии (по крайней мере в прошлом) моментов (устойчивый и высокого уровня читательский слой, разнообразные журнальные и издательские организации и пр.) и вместе с тем заставили его стать профессионалом в большей степени, чем это было необходимо прежде. <...>

Естественно, что при таком положении особую остроту и актуальность получили именно вопросы литературно-бытового характера, и самая группировка писателей пошла по линии этих признаков. На первый план выступили факты не столько эволюции (как она, по крайней мере, понималась прежде), сколько *генезиса*, а тем самым перед литературной наукой встала новая теоретическая *проблема* — *проблема соотношения фактов литературной эволюции с фактами литературного быта* [Эйхенбаум, 1987, с. 429–430].

Изучение «быта», к которому призывал Эйхенбаум, по преимуществу сводилось к описанию литературы как социального института, включая такие проблемы, как социальный статус писателя и писательской профессии, развитие средств коммуникации, литературный рынок, системы патронажа и проч. Этими проблемами на рубеже 1920–1930-х годов активно занимались ученики и последователи Эйхенбаума. В частности, С.А. Рейсер и М.И. Аронсон в своей книге предложили анализ роли кружков и салонов в развитии русской литературы; почти одновременно выходит посвященный той же теме сборник статей под редакцией Н.Л. Бродского [Аронсон, Рейсер, 1929; Бродский, 1930]³.

В ином направлении развивалась в те же годы мысль другого крупного представителя ОПОЯЗа — Ю.Н. Тынянова. Он предполагал сосредоточиться не на роли, казалось бы, внешних элементов в конструировании литературного ряда, а на тех феноменах, которые обеспечивают независимость литературы, несводимость ее к влиянию этих элементов. Разумеется, подход Тынянова был направлен прежде всего против классового анализа «переверзевского» типа и других тенденций советской критики, склонных сводить все многообразие форм социальной и литературной жизни к отражению классовой борьбы или революционных процессов. Именно в этом смысле надо понимать финал знаменитой статьи «О литературной эволюции» (1927):

³ См. также главу 3 наст. изд.

Эволюционное изучение должно идти от литературного ряда к ближайшим соотнесенным рядам, а не дальнейшим, пусть и главным. Доминирующее значение главных социальных факторов этим не только не отвергается, но должно выясниться в полном объеме именно в вопросе об эволюции литературы, тогда как непосредственное установление «влияния» главных социальных факторов подменяет изучение эволюции литературы изучением модификации литературных произведений, их деформации [Тынянов, 1977, с. 281].

Таким образом, Тынянов вовсе не отрицал необходимость изучать место литературы среди многочисленных форм и институтов общественной жизни, однако видел цель такого исследования, скорее, в анализе внутренних принципов и норм, характерных для института литературы (подробнее см.: [Lovell, 2001]).

Теоретическая мысль Тынянова и Эйхенбаума в области общественных функций литературы оказалась значительно больше востребована социологами, чем филологами (речь, разумеется, идет не об официозных советских литературоведах, а о тех авторах, которые пытались разрабатывать новые системы категорий и концептуальные схемы для описания истории литературы). Неслучайно именно этот аспект их идей практически не привлекал, например, представителей Тартуско-московской школы, несмотря на их огромный интерес к наследию формалистов. Дело здесь, видимо, далеко не только в цензурных ограничениях. Как представляется, для многих исследователей проблема общественных функций литературы вообще не воспринималась как актуальная и заслуживающая описания. Показательно, например, что даже в те годы, когда их труды уже не подвергались цензуре, представители этого направления избегали постановки научных проблем в социальных категориях: вместо «общества» их интересовала, скорее, «культура». При этом в сферу изучения культуры попадали многие вопросы, которые для современного читателя очевидным образом хотя бы отчасти входят в сферу интересов социологии — скажем, гендерные роли, которым Ю.М. Лотман посвятил две главы в своих знаменитых «Беседах о русской культуре» [Лотман, 1994, с. 46–89].

Напротив, в социологической среде концепции Тынянова и Эйхенбаума оказались важной точкой притяжения и отталкивания при разговоре о литературе и ее месте в общественной жизни. Показа-

тельно, например, что именно с Тыняновым полемизирует П. Бурдьё в своей знаменитой статье «Поле литературы» [Бурдьё, 2000]⁴. В отечественной социологии работы Тынянова и Эйхенбаума оказались исключительно значимы для исследовательского проекта группы московских социологов, включавшей Б.В. Дубина, Л.Д. Гудкова, Н.А. Зоркую, А.И. Рейтблата и других исследователей. Они воспринимали собственные исследования отчасти как продолжение тыняновских статей по истории литературы, а отчасти как их критический пересмотр. Так или иначе, именно Тынянов оказался в числе едва ли не наиболее значимых отечественных предшественников для российских социологов: неслучайно в переиздании фундаментального труда по социологии литературы (впервые вышедшего в 1994 г.) были включены статьи о формалистах и их концепции развития литературы, см.: [Дубин, Гудков, 2020, с. 500–558].

Масштабные планы Дубина, Гудкова и их единомышленников подразумевали социологическое описание и собственно литературы как социального института, «основное функциональное значение которого полагается нами в поддержании культурной идентичности общества» [Там же, с. 47]. Для выполнения этой основной функции, по мнению исследователей, необходима была не только «высокая» литература, но и другие тексты самых разных природы и жанра. Описывая социальные функции литературы, социологи предполагали охватить широчайший спектр проблем — как в хронологическом, так и в тематическом плане. Грубо говоря, литература оказывалась одним из основных способов, с помощью которых стремительно усложняющееся общество Нового времени могло осмыслять себя и свою структуру, давая возможность индивиду найти свое место в новом социальном порядке. Социологическая история русской литературы, которую предполагалось сконструировать, должна была охватывать фактически все Новое время, затрагивая самые разные явления, от собственно поэтики литературных текстов до книгоиздания (включая, например, оформление обложек). По словам самих исследователей,

⁴ Впрочем, французский социолог, как кажется, игнорирует приводимые выше утверждения Тынянова о необходимости сопоставления литературы с другими «рядами».

<...> пределом социологической работы будет выявление, описание и объяснение различных систем культурных значений, форм их записи (смысловых взаимосвязей, их аналитических конструкций) и трансформации тех или иных культурных регулятивных механизмов, т.е. ценностно-нормативных образований и конфигураций [Дубин, Гудков, 2020, с. 49].

Литература при этом оказывалась в особом положении: с одной стороны, она трактовалась, конечно, не как абсолютно самостоятельный феномен, а как часть процесса модернизации; с другой стороны, именно литература (по крайней мере, в России) оказалась одной из ключевых частей этого процесса. Таким образом, ее социологическое описание могло оказаться исключительно значимым не только для понимания закономерностей литературного процесса, но и для осмысления специфики модернизации в российских условиях, описания социальных иерархий (например, сложных отношений между «интеллигенцией» и «народом»), изучения того, как современные ценности распространяются среди членов разных групп, как складываются и трансформируются поколенческие, гендерные и другие идентичности.

Хотя масштабный проект группы социологов, задуманный еще в 1980-е годы, так и не был в полной мере реализован, некоторые из поставленных проблем оказались в центре внимания А.И. Рейтблата, чьи труды по истории и социологии русской литературы остаются в числе наиболее значимых в своей области. В обобщающей статье «Русская литература как социальный институт» Рейтблат моделирует литературу как взаимосвязанный набор социальных ролей писателя, читателя, цензора, редактора, издателя, книготорговца, критика, журналиста, литературоведа, педагога и библиотекаря [Рейтблат, 2014, с. 13–15]. Впрочем, в отличие от своих коллег, Рейтблат в большей степени сосредоточился не на описании общих проблем социологии литературы, а на более конкретных темах, связанных с историей литературы, журналистики и цензуры. Соответственно, эволюция института русской литературы от петровских преобразований до революций 1917 г. представлена в этой модели как постепенная профессионализация и институционализация каждой из ролей и постоянное изменение соотношений между ними в рамках социальной системы. Для исследователя литература также оказалась одним из наиболее значимых институтов в становлении современного общества, с его отказом от безоговороч-

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru